

ЛАРИСА ПОРХУН

К КОШКАМ ПРЕТЕНЗИЙ

НЕТ

Лариса Порхун

К кошкам претензий нет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72026695

SelfPub; 2025

Аннотация

Этот роман – глубокая психологическая драма о поиске смысла жизни, личного счастья и нередко трагичных способах разрешения внутренних конфликтов.

Это откровенная, почти исповедальная история молодой женщины, которая прошла путь от неуверенной, робкой, но глубоко чувствующей девушки, в жизни которой до тридцати лет не было, по сути, ничего увлекательного и захватывающего – только любимые кошки, мама, да малоинтересная работа – до холодной и жестокой преступницы, лишённой сострадания и жалости, способной пойти на всё ради достижения призрачной цели. И на этом пути ей практически нет равных, хотя бы потому, что она так же мало начинает ценить чужую жизнь, как и свою собственную...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лариса Порхун

К кошкам претензий нет

Глава 1

Глава 1.

Двадцать девять, двадцать девять... Как понять, много это или мало? Настя не знает. Мать говорит, что много. И не говорит даже, а жёстко констатирует. При этом ей самой скоро пятьдесят пять. Нормально, да? А это тогда сколько? Запредельно много? Она, получается, уже вообще мега старая? Или как?

Но мать считает, что у неё имеется уважительная причина. Она замужем. Давно и прочно. За, понятное дело, Настиным отцом. Хотя, если разобраться, то отмазка эта – так себе. Как и сам отец в качестве родителя, мужа и главы семьи.

Так думает Настя, она в этом уверена даже, но вот только никогда не произнесёт вслух. Как и многое другое. И не потому, что боится, – её, в общем-то никогда не наказывали, почти никогда не ругали и особенно ни к чему не принуждали, – и не потому, что это бесполезно, – Настя на самом деле о пользе даже не задумывалась, – а просто потому, что... ну, не хочется и всё тут.

Она даже несколько раз пыталась анализировать и знала

точно, что это не робость. Не патологическая застенчивость, хотя со стороны может показаться именно так. И уж точно не душевная лень. Вовсе нет.

Просто высказывать во внешний мир всё то, что она чувствует и переживает внутри себя – для неё бывает непосильной задачей. По крайней мере очень сложной, как минимум. Хотя это довольно странно. Она из интеллигентной семьи, как это принято говорить. Вполне вменяема и образованна. Ведь у неё два высших образования. Сначала, после школы, Настя окончила что-то коммерческое по сервису и туризму, – она не сильно вникала, просто мама сказала, что это сейчас очень перспективное направление. А через три года после получения диплома, когда стало ясно, что специалиста из неё по туристическому бизнесу, равно как и в около прилегающих сферах точно не выйдет, – Анастасия пошла учиться на психолога. Ну да, опять же по совету всё той же мамы. Та была настойчива, красноречива и убедительна.

Так что Настя ещё и дипломированный психолог. Мама вовремя вносила плату за обучение, помогала с рефератами и курсовыми и вообще принимала в студенческой жизни гораздо большее участие, чем дочь. В её лексиконе появились такие фразы, как «закрыть гештальт», «прокачать навык», «отпустить ситуацию», «восполнить ресурс» и тому подобное. Да и «училась» мама с явным удовольствием. В отличие, опять же, от Насти. Отчего последняя взирала на мать с недоумевающим восхищением.

В Настиной же жизни особенно ничего не изменилось. Ей по-прежнему не хватало слов, уверенности, энергии, да бог его знает, чего ещё. Облѣкшись в слова и прорвавшись наружу, мысли её теряли вес и силу, становились блѣклыми и жалкими, совсем не такими, какими были изначально.

Про себя Настя переживала, мучилась, сравнивала, вспоминала и радовалась полноценно. Внутренняя жизнь её была, что называется, на уровне. А может даже и гораздо выше этого воображаемого уровня. Но как это объяснить всем остальным, хотя бы, – для начала, – родителям, она не знала.

Ну да, ей двадцать девять, и она живёт в двухкомнатной квартире с мамой, папой и семьёю кошками. И да, она догадывается, что выглядит это странно, но так уж получилось. Кошки жили у них всегда. И всегда в количестве не меньше двух. Если бы Насте пришло в голову вообразить свою жизнь без кошек, она бы попросту не смогла этого сделать. Кошки, мама и она были единым, неделимым целым. Именно в такой последовательности. Где-то рядом в этой прочной и нерушимой, как гранитная скала конфигурации маячил отец, но частью их целого он никак не являлся. Разве что досадным, но, к сожалению, необходимым элементом.

Кошки в Настиной жизни не занимали какую-то отдельную, пусть даже значимую часть. О, нет! Они распространялись и заполняли собой все её сферы. Без исключения. Ей не нужно было видеть или слышать кошку или кота, чтобы вспомнить о них. Они были растворены в ней, а она в них,

будто в какой-то момент, некая часть их поменялась друг с другом местами. Они находились на связи постоянно. Даже на расстоянии, не видя и не слыша их, она их осязала, чувствовала той самой, потайной частью, которая вплелась, впаялась и почти растворилась в структуре её личности. Словом, Настя и кошки были связаны невидимой, но прочной нитью. Вернее семью нитями.

Настя не сомневалась, что душа её в большей степени кошачья, нежели человеческая. И не находила в этом ничего странного, кощунственного или предосудительного. Ведь известно, что не человек выбирает кошку, а кошка человека. Хотя всё ещё большинство людей пребывает в непоколебимой уверенности, что именно человек принимает решение завести кота. О. нет! Так только кажется. На первый и весьма поверхностный взгляд. Это кошка выбирает дом и хозяина. Кошки – таинственные, загадочные, мистические существа, как пришельцы с другой планеты. Подумать только, они связаны с луной, как море... Настю почему-то особенно волновал этот факт. Он означал, что они особенные, не похожие ни на кого. Те, кто действительно существуют сами по себе. Настя была рада, что ей позволительно находится рядом, и быть нужной им. Просто есть люди, в чьё жизненное предназначение входит забота об этих животных. Настя знала это. И никогда не сомневалась, что относится именно к этой категории. Не то, чтобы гордилась, просто приняла, как факт. Так есть и всё. Если бы она вздумала писать историю сво-

ей жизни, то без кошек из этой затеи ничего бы не вышло. Нельзя было отделить кошек от Настиной жизни, как невозможно представить её жизнь, свободную от мяуканья и кошачьей шерсти.

Вот трёхцветная Сонька – дочка самых первых кошек, которых Настя хорошо помнит, – Муслика и Пуси. Она самая взрослая из всех, ей лет восемь или девять. Характер, прямо сказать, не самый приятный. Она задира и интриганка. А ещё Соня не любит гостей, вот просто терпеть не может. Обязательно напакостит тем или иным образом. Но выяснится это позже, потому что застать её на месте преступления невозможно.

Сонька вообще каким-то мистическим образом дистанцируется ещё до того, как в дверь позвонят. И не показывается никогда и нигде всё то время, пока пришедший человек не уберётся восвояси. Даже Настя её не может найти в небольшой, заставленной старой мебелью квартире. Как этот трюк получается у немолодой уже кошки, да ещё столько лет подряд, неизвестно.

Но зато следы её присутствия скоро обнаруживаются. Их можно заметить по разорванной подкладке пальто гостя или подозрительно мокрой стельке в его же ботинке. Или в разыгравшейся свирепой драке, с воплями, ором и кошачьим визгом, от которого неподготовленный гость бледнеет, теряет нить повествования и нервно озирается.

Зачинщицей этого безобразия, вне всякого сомнения,

всегда является почтенная Соня, но поймать её, как уже упоминалось, строго говоря... за лапку ни разу, за всё время никому не удавалось. Вбежавшие на крик Настя или мама застают лишь потрёпанных, недоумевающих и несчастных котиков с взъерошенной, поднятой дыбом шерстью при полном отсутствии Соньки. Такое впечатление, что её и не было тут вообще никогда. Но это ещё что, не дай бог кому-нибудь чужому остаться на ночь!

Однажды к маме приехала её старинная приятельница из Твери. Вообще-то, она приехала в санаторий по путёвке, – мама ей организовала через свой профсоюз, – но до начала заезда в санаторий оставались сутки или даже больше, вот она и остановилась у них. Приятное с полезным, так сказать. И подругу навестить, и поболтать, и узнать, где лучше облепиху и орехи с шиповником брать, ну и мало ли, что ещё.

В ту ночь тётя Лида, которой постелили в Настиной комнате, – практически не спала. Когда и с какой бы стороны кровати она не размыкала век, на неё неотрывно, с тихой, всепоглощающей ненавистью смотрели два огненно-жёлтых глаза кошки Соньки.

Тётя Лида перед отъездом в санаторий Ставропольского края, приобрела красивую, красно-синюю дорожную сумку, в которую были плотно и с любовью уложены вещи. Любимая, чёрная кофта из ангорки, – она так шла ей, все говорили; спортивный костюм, – тоже новый, – может она там займётся спортом; два выходных платья, – ну мало ли, и туфли

к ним, конечно. Затем, косметика, фен, бигуди, совершенно целые колготки, – две пары, между прочим, – ну и кое-что по мелочи. И это, не считая недавно купленного и безумно дорогого комплекта польского нижнего белья. Тётя Лида дама одинокая, давно в разводе, а тут двадцать один день санаторной жизни. И всякое может случиться, и настоящая, не старая ещё женщина не имеет права позволить себе быть застигнутой врасплох.

Но кошка Сонька тоже обратила внимание на яркую, набитую заманчивыми вещами сумку тёти Лиды. И отметила её по-своему. Очень щедро оросив, как саму сумку, так и её содержимое. Судя по количеству жидкости и концентрации запаха, Сонька осуществила за ночь к багажу безвинно пострадавшей тёти Лиды несколько подходов.

Уже позже, тётя Лида рассказывала, что, как минимум, треть вещей была полностью или частично испорчена, а модной, спортивной сумке так никогда и не удалось избавиться от острого, мускусного запаха. Хотя тётя Лида несколько раз стирала её, затем отмачивала в какой-то химии и целых два зимних месяца вымораживала в раскрытом виде на ледяном балконе. Но всё оказалось безрезультатно! Как только сумка высыхала или попадала в тёплое помещение, сложное аммиачное амбре неизменно возвращалось снова.

Чуть младше Соньки роскошный блондин Маркиз. Его подарила Насте их бывшая соседка. Надо сказать, подарок этот не был в чистом виде добровольным. Просто однажды

кот убежал, а через два дня вернулся. Но не к своей хозяйке, а в квартиру этажом выше, то есть к Насте. А потом стал делать это регулярно. И забирать его оттуда приходилось неоднократно и с большим трудом. Хотя ни Настя, ни мама ничего особенного для этого не делали. Ну разве что чуть-чуть. Уж очень хорош был этот белоснежный котик с ярко-голубыми глазами. На самом деле, он пришёл к ним сразу. Его хозяйка ошиблась, думая, что он выскочил на улицу. Нет, Маркиз поднялся к ним и сидел под Настиной дверью до тех пор, пока она не открылась. Настя вернула кота только на следующий день, но и она, и сам кот, – Настя уверена в этом, – понимали, что это всего лишь пустая формальность. Временная мера. А судьбы их уже пересеклись. И скорее всего, Маркиз знал об этом гораздо раньше, ведь не зря он так терпеливо сидел несколько часов под дверью, – пока его отчаявшаяся хозяйка бегала по соседним дворам, искала своего Маркизика, зовя его, то нежно, то надрывно, то безутешно.

А он, дождавшись, когда его впустят, – словно ни минуты и не сомневался в этом, – вошёл к ним спокойно и с достоинством, как к себе домой, словно прожил именно здесь, в этой самой квартире большую часть своей жизни. И что особенно удивительно, кошки приняли его появление, как само собой разумеющийся факт. Как естественный и даже обычный ход вещей. Как что-то такое, чего не избежать, что должно было произойти в любом случае. Даже своенравная

скандалистка Сонька. Она только потянула носом, фыркнула, мол, подумаешь, тоже мне событие, – и гордо удалилась, победно задрав хвост.

Так странно, – Настя всё не уставала удивляться данному факту, – неужели всё это лишь цепь случайных событий, никак не связанных между собой? Или всё-таки в этом действительно есть своя логика, смысл и причинно-следственная связь? Что касается кошек то за долгий путь их взаимоотношений, таких странных, неоднозначных, почти мистических историй у Насти с мамой наберётся сколько угодно.

После того, как бывшей хозяйке Маркиза надоело его забирать, – скорее всего ей было просто обидно, как будто она что-то делала не так, отчего этому неблагодарному созданию было у неё плохо, а у чужих людей, которых он и знать не знал, вдруг стало хорошо, – кот остался у них. Настина мама, правда, пыталась объяснить оскорблённой в лучших своих чувствах женщине, что это не так, что такое случается и не так уж редко, как думают некоторые, это ведь животное. И никто не знает почему, может почувствовал какой-то импульс, ну и отреагировал подобным образом.

– Что он там почувствовал, – махнула обречённо рукой та, – три года, как кастрировали...

– У нас тоже все кошки стерилизованы, – заторопилась мать, видя, что обиженная соседка уходит с таким видом, будто предполагает, что дело тут не совсем чисто, хотя доказать ничего и не может, – дело не в этом, а в том, что это ведь

животное, у него инстинкты и предугадать его поведение не всегда возможно.

– Зато моё поведение можно предсказать, – обернулась та уходя, – пусть остаётся раз так, больше не приду за ним, надоело...

И Маркиз Великолепный, – как звала его мама осталась... Спокойный, неторопливый, вальяжный. Привязанности и особой симпатии ни к кому, кроме Насти, не испытывал. Так и поселился в её комнате, и даже спал с ней на кровати, хотя остальным питомцам, – к которым Маркиз был подчёркнуто равнодушен, – этого не позволялось.

Остальные коты и кошки были Горновским (да, да, такая фамилия) либо подкинуты, либо взяты из приюта. Да, им время от времени подбрасывали котят, либо прямо на площадку, либо просто в подъезд. Видимо, делавшие это знали, что здесь о них позаботятся. А может кошки приходили сами, кто знает. Может вела их сюда неумолимой рукой сама судьба, решившая сжалиться над несчастными и перепоручить их заботам своим доверенным на земле, кошачьим пастырям.

Так появилась Муся, – Настя нашла её котёнком однажды в подъезде, в ноябре: мокрую, тощую и больную, с закисшими глазами и горячим носом. Сейчас это взрослая, очень даже симпатичная кошечка с выразительными глазами. Они у неё разные – один голубой, а второй слегка зеленоватый. В остальном, это самая обычная, серая кошка, но сколько же в

ней грации и изящества! Настя любит за ней наблюдать. Муся очень женственная и нежная. Даже в том, как она пересекает комнату – с каким мягким благородством и достоинством держит миниатюрную голову, как симметрично и бесшумно ступает, ну манекенщица на подиуме – не меньше! – хорошо просматривается женское начало.

На это, – думает Настя, – как на огонь или море, – можно смотреть бесконечно. Смотреть и учиться.

Тишу и Басю им оставили под дверью прямо в коробке из-под обуви. Они – брат и сестра, оба сероглазые, жгучие брюнеты. Только у Баси самый кончик хвоста с такой милой, белой опушкой. И это здорово, потому что иначе их было бы непросто отличить друг от друга. Они из всех – самые жизнерадостные и весёлые. Если бы Насте потребовалось найти живое воплощение понятию «позитив» или изобразить его в рисунке, её выбор, вне всякого сомнения, пал бы на Тишку с Басей. Сколько раз эта парочка поднимала ей настроение, подсчитать даже примерно невозможно. Добрые, милые, игривые, хотя уже совсем взрослые. Они всегда вместе, как два попугайчика-неразлучника. Почти, как сиамские близнецы. Вместе спят, едят, играют. Позовёшь одного, непременно бежит и другая. Возьмёшь на руки Басю и Тишка, тут, как тут, – выписывает кренделя, трётся о ноги, заглядывает в глаза, – и меня, и меня возьми... Ну, умора! Но ревности друг к другу нет никакой. И дружат со всеми, даже с Сонькой, хотя им больше других от неё и достаётся. Но такие молодцы, –

смотрит на них с умилением Настя, – не озлобились, не затаились, не выглядывают с остервенением из тёмных уголков, вынашивая планы мести, как случается иной раз у кошек. Да вот хоть Семён, – ему ещё нет и трёх лет, – абсолютно чёрный и гладкий настолько, что прямо блестит. Но так было, конечно, не всегда. Он как раз из приюта. Настя с мамой забрали его, когда, гуляя, зашли туда однажды. Он сидел в углу, нахохлившись, не ел, не пил, не вылизывал шерстку. Настя знала, последний признак – самый опасный. И никого к себе не подпускал. Орал, царапался, впивался зубами.

– Ничего не поделаешь, будем усыплять... – вздохнула работница, – с таким характером его никто не возьмёт, но и тут он долго не протянет.

Настя переглянулась с мамой. Они друг друга поняли сразу и без всяких слов.

Тишка и Бася были крайней, окончательной и жирной точкой. Так им сказал отец. И добавил, что если единственное, но категорическое требование его не будет соблюдено, он в этом доме не останется. Уйдёт немедленно, унося с собой свою зарплату и пенсию. И жить им до конца дней своих вместе с кошками и даже без алиментов, поскольку несовершеннолетних в этом доме уже давно нет.

А потом мама с Настей снова посмотрели в угол на серый от пыли, с торчащей шерстью и слабо шипящий от злобы, жалкий, грязный комок.

– А у вас найдётся какая-нибудь тряпка или старое поло-

тенце? – осторожно спросила мама у сотрудницы, стараясь не встречаться с дочкой глазами.

– Я обязательно занесу потом... – тут же отозвалась просявшая Настя.

Папа, конечно же, никуда не ушёл. Поворчал, покрутил у виска и целых два дня с женой и дочкой не разговаривал. Переживал. Затем всё пошло по-прежнему. Только их стало на одного кота больше.

Более того, когда через полгода в их доме появилась красавица Клеопатра, она почти сразу стала его любимицей. В дополнение к замечательной внешности, у неё был прекрасный характер. Чёрно-бело-жёлтая кошка, – трёхцветная, «счастливая» с необычайно длинной, мягкой шерстью и ярко-зелёными глазами. Ласковая, добрая и ручная. К тому же очень крупная.

– Ну почему только кошкам идёт лишний вес?! – вздыхала мама, тиская Клёпу, – толстую, вальяжную, похожую на раздобревшую на сахарных кренделях роскошную купчиху. Больше, чем есть, она любила только спать.

Клеопатра не имела ничего против человеческих рук, лишь бы при этом её не будили и не отвлекали от приёма пищи.

Как ни странно, но Клёпа тоже была из приюта. Почему никто не обратил внимания на такую яркую красавицу, уму непостижимо. Вероятнее всего, по причине того, что была она красавицей спящей. Да, возможно, это и насторажи-

вало потенциальных хозяев, наверняка её могли посчитать какой-нибудь больной. Поскольку почти всё то время, что Клеопатра не ела, она спала.

Вот так и оказалось их десять душ на 46 квадратных метров. И пусть говорят, что у животных нет души – так может считать только тот, кто с ними никогда по-настоящему не общался. Настя не станет спорить с такими людьми, не будет что-то объяснять и доказывать. Зачем? Вполне достаточно того, что она точно знает, что это неправда.

Глава 2

Глава 2.

Любовь к кошкам у Насти, конечно же от мамы. Они с ней вообще отлично ладят. И понимают друг друга. Часто не только с полуслова, но вообще без слов. Говорить могут часами. И это при том, что Настя далеко не самый большой любитель разговоров. И в своей остальной жизни за порогом дома, – а это только работа и выходы (опять же с мамой) к бабушке, а ещё в театр или филармонию (а что, случаются отличные концерты, между прочим) – она человек ведомый, скрытный и молчаливый.

Но, кстати, вот такие культпоходы они с мамой любят.

Вернее, мама любит, а Настю изначально брала за компанию. И Настя так привыкла, что ей кажется, что она тоже это любит. На самом деле она не знает как это «любит». Ну или «не любит». Что это вообще такое?! Нет, она любит маму и кошек, это точно, – ведь это практически весь её мир. Хотя быть может потому, что ничего другого у неё попросту нет. Ничего другого она не знает...

И уж тем более, всё что касается всего остального, то тут вообще непонятно. Она никак не может для себя более или менее чётко определить своё отношение к этому другому. Она точно знает лишь, что ей не нравится. И чего боится...

Ей плохо в незнакомой обстановке, ей не нравятся шум-

ные сборища и развязные люди. Кстати, последних она не переносит физически. Её пугают перемены, потому что из-за них уходит почва из-под ног и исчезает с таким трудом приобретаемая уверенность. Если совсем начистоту, ей не нравится всё броское, новое, громкое, неизвестное, многолюдное, внезапное.

В подобных случаях у неё и появляется этот страх. Не то, чтобы он полностью исчезал в других обстоятельствах, но всё же в спокойной, домашней обстановке он как -то притупляется. Его, по крайней мере, можно переносить.

Наверное, самое время сказать, что это за страх. Настя боится теракта. И террористов. Вернее того, что может оказаться их жертвой. Глупо? Может быть. Нерационально? Безусловно. Но что есть, то есть. Настя не знает, откуда это у неё и даже не очень хорошо помнит, когда именно возникло, но страх этот живёт в ней и она ощущает его почти постоянно.

И это действительно странно хотя бы потому, что тема эта её лично никогда не касалась. Но Насте страшно, главным образом, из-за того, что теракт непредсказуем, алогичен и не имеет причинно-следственной связи. И ещё возможно, всё дело в её особой восприимчивости. Ей достаточно услышать о чём-то подобном, увидеть, пусть даже по телевизору, и... клиент готов...

Ну да, скорее всего с ней не всё в порядке, она это допускает. Но ведь реальнее всего способно напугать то, что не поддаётся никакому логическому умозаключению. То, что

может произойти в любое время, в любом месте, с любым человеком. И без всяких видимых причин.

Даже от мыслей об этом, Насте становится жутко... Но она почти смирилась с этим страхом, приняла его и запечатала в себе. Разумеется, об этом никто не знает. Насте прекрасно известно всё то, что по этому поводу скажет мама. И она не хочет этого слышать. Просто так есть и всё.

Ну а в остальном, её всё устраивает. Ну а если её всё устраивает, значит она ничего больше не хочет, значит ей нравится то, что у неё есть, то есть она это любит.

А может всё гораздо проще, – иногда думает Настя. И всё дело в том, что она типичный интроверт? (Всё-таки психологическое образование нет-нет, да и даёт о себе знать). Кроме того, за порогом дома, у неё никакой жизни, собственно, и нет. Но весь-то фокус в том, что ей ничего и не надо. Ей и так хорошо. Вот только мама иногда спохватывается и вспоминает, что дочь её, находящаяся на пороге 30-летия не устроена в женском отношении, и вообще мало приспособлена к жизни.

Иногда мать слегка заносит, и она начинает уже совсем нешуточно страдать и фантазировать в стиле умной Эльзы на тему того, что будет с бедной Настей, когда их с отцом не будет. Но после того, как мать всерьёз обиделась на это сравнение с героиней из сказки братьев Гримм, – Настя старается не реагировать. Так проще. Вообще же в такие минуты мать своими трагикомическими стенаниями, закатыванием

глаз и прочей бутафорией напоминает Насте бабушку Валу, мамину маму, которая, – как было хорошо известно в их семье, – к смерти начала готовиться загодя, лет с тридцати пяти, примерно. У неё, как у героя Джерома, были все болезни мира. От хронического воспаления чего угодно до мерцательной аритмии и онкологии. Диагнозы она ставила сама себе мастерски и безапелляционно. Спорить с ней никто не решался. Даже врачи. Так и жила себе тихо и мирно, работая в краеведческом музее на полставки, часто выходя с одного больничного и открывая с понедельника новый, регулярно посещая санатории и пансионаты, до мозга костей уверенная в своих, как минимум, трёх смертельных диагнозах.

При этом умерла она в шестьдесят два по причине тромбоза миокарда. Ушла мгновенно и безболезненно, хотя готовилась к этому событию лет тридцать. Насте было пятнадцать, когда это произошло. После того, как бабушки Вали не стало, никто из их семьи в её дом больше не ездил. Хотя там, в сорока километрах от них, в небольшом городке с щедрым, хлебосольным названием Изобильный, оставался отец мамы, Настин дедушка Гриша. Из-за него-то, собственно, регулярные до этого поездки и прекратились. И не только потому, что он почти сразу – «непростительно быстро», как с возмущением говорила Настина мама, – привёл в дом другую женщину, а то, что с этой другой женщиной, которая была значительно моложе, он почти открыто жил в течение последних лет восьми или десяти. То есть по факту, – как

стало известно маме со слов добрых и любознательных людей, – имел две семьи.

И из первой не уходил только из опасения, что жена с горя наложит на себя руки. Мама почувствовала себя глубоко оскорблённой, когда вся эта история выплыла наружу, хотя были весьма убедительные основания полагать, что бабушке Вале обо всём этом было хорошо известно. И мало того, её как раз всё устраивало.

Что касается Насти, то ей вся эта история вовсе не казалась классическим примером человеческой подлости и чудовищного предательства, как её матери. Она вполне допускала: если в течение многих лет близкий человек постоянно жалуется на здоровье, подробно перечисляя симптомы с гримасой страдания на бледном лице, почти в любой ситуации видит негативный исход, а кроме того регулярно твердит о приближающейся смерти, – ты вынужден это каким-то образом компенсировать, чтобы просто не сойти с ума.

И что поделать, если дедушка Гриша – шестидесятипятилетний, всё ещё крепкий, завидного телосложения мужчина, выбрал именно такой способ компенсации?!

Но ничего этого Настя маме, конечно же, не говорила. Просто, потому что хорошо представляла себе её реакцию. К тому же мама запросто могла Настино личное мнение тоже в какой-то мере принять за предательство.

И сказать, что мама в некоторых случаях, – очень редко, – но напоминает ей бабушку Валу с её манерой любому со-

бытию придавать негативный оттенок и возводить в степень абсурда, тоже было бы невозможно.

Нет, нет... Об этом нельзя сказать вслух, не ранив глубоко высоких струн материнской души. В общем, как-то незаметно Настина безответная реакция, то есть отсутствие её в принципе, стала её отличительной особенностью. Характерной чертой личности и защитным механизмом.

Так было лучше и легче всего. Не реагировать. Ничего не объяснять, не оправдываться, не нападать, не обижаться, не отворачиваться и не уходить в глухую оборону. Просто не реагировать. Не допускать внутрь себя то, что не нравится, что ранит, беспокоит, унижает, обесценивает.

Задёрнуть ширму в душу поплотней, захлопнуть внутренние створки: никого нет дома. Да?? Вы что-то, кажется, хотели, но меня нет, простите. Есть только эта внешняя оболочка: немногословная, спокойная и вежливая. Можете поговорить с ней, если угодно. Да, так гораздо, гораздо лучше.

Настя прочла однажды чьё-то высказывание и запомнила его на всю жизнь: я часто сожалел о том, что сказал, но ещё ни разу о том, что промолчал.

Только Настя не помнит, кому принадлежит эта фраза. Да это и не важно, главное, она с этим полностью согласна. И потом, молчание – золото. Ещё когда сказано, а до сих пор, кажется, выражение это не потеряло своей актуальности.

Хотя мама считает, что Настя молчит исключительно из-за своей крайней застенчивости. Ну или неуверенности, что

в принципе, одно и то же. Может, дело, конечно и в этом тоже, но не только. И это даже не основная причина. Просто разговаривать-то не о чем особенно, да и не с кем.

Прямо как Тигровая Лилия у Льюиса Кэролла «Говорить-то мы умеем, было бы с кем...»

И вот ещё что: то, что интересует Настю, вряд ли понравится кому-то ещё. По крайней мере, она таких за свои неполные тридцать лет жизни почти не встречала. Почти, потому что пара человек (ну, не считая мамы, разумеется) всё-таки были.

Это, во-первых, Ася Хачатурова, одноклассница, тихая, некрасивая девочка.

Боязливая и нервная, как лань.

«Чудила» – говорила про неё мама. И улыбалась, глядя на дочь. Насте не нравилась эта улыбка, так как казалось, что появилась она вместо непрозвучавшего продолжения: «такая же, как ты». И хоть мама вслух этого не говорила, Настя и так это знала. Вернее, чувствовала.

Ей вообще совсем не обязательно всё разжёвывать.

Так вот, Ася, значит, и Люся. Ася – в прошлом, как думала Настя до недавнего времени. Люся – в настоящем. С Асей Настя раньше училась. С Люсей сейчас работает.

Надо же, – думает Настя, – даже имена у них созвучны. Как она раньше этого не заметила? Но на этом всё сходство и заканчивалось.

Люся была совсем другой. Если Ася – закомплексован-

ная, сутулая девочка, придавленная грузом ответственности, больше всего опасавшаяся не оправдать родительских ожиданий, трепетавшая перед своим отцом, полная страхов, неясных надежд на будущее, которого, впрочем, тоже больше боялась, чем желала, – то Люся – замужняя, с двумя детьми – была её абсолютной противоположностью. С Асей было легко и понятно. А рядом с Люсей, волнительно, иной раз до дрожи, и непредсказуемо. Ася успокаивала, а Люся будоражит. Ася, безусловно, ближе ей по духу и темпераменту, но похожей хочется быть всё-таки на Люсю...

То есть Насте не мешает общаться или даже дружить с теми, кто думает и ведёт себя по-другому. Иначе, чем она. Хотя при этом Настя называет Люсю подругой только про себя. Вслух она этого никогда не произнесёт. О, нет. В основном, из-за страха, что та так вовсе не считает. И просто из-за страха вообще.

Вдруг Люся ещё рассмеётся, услышав. А что, она может, с неё станется. И скажет вслух, да ты что, какие мы подружки? Мы коллеги и больше ничего. А это будет больно. Настя знает. И в этом случае, она тоже, конечно, промолчит, но внутренняя ширма её распахнётся от такого удара. И створки двери – даже если и устоят, но всё-таки дрогнут.

То есть она почувствует боль, и защита с таким трудом выстроенная, обрушится. Она знает, она уже проживала такое не раз, – и с Люсей станет труднее общаться, если вообще будет возможно. А этого бы ей не хотелось. Нет, нет, очень

не хотелось. Поэтому Настя «дружит» немного про себя.

Так опять же, гораздо проще. И так можно сколько угодно считать, что они подруги. Может даже самые лучшие. А что, возможно и Люся так тоже считает. Только вслух не говорит. Почему? Да мало ли, ну, во-первых, потому что и так понятно. Во-вторых, не всё же стоит произносить вслух, верно? А в-третьих, у всех могут быть свои причины. Разве нет? И вообще, иногда лучше не докапываться до сути, в этом во-все не так уж много хорошего, как считают некоторые. В том числе и психологи. Настины коллеги, между прочим.

Она ведь даже поработать успела по специальности. В детском саду. Правда недолго – всего только месяц, а потом ушла. Не нашли общего языка с заведующей. Вернее, никто его и не искал. И даже не пытался. Начальница просто давала какие-то поручения, – до Насти не всегда доходил даже их смысл, – а потом громко отчитывала на совещаниях. При всех. Может ещё и поэтому Настя старается не говорить никому, что она психолог. Как будто опасается реакции, в которой будет недоумение и злая, ехидная усмешка: «Серьёзно??? Ты – психолог?! Не может быть!» Ну, типа, какой ты, нафиг, психолог, если даже со своей жизнью разобраться не в состоянии! Как будто психологи – это такие мегапрокачанные профи, не имеющие никаких комплексов и слабостей собственных обычным людям.

Одним словом, Настя так редко говорит об этом, что и сама уже иногда сомневается в том, что это правда. По какой

причине? По той же, по какой она не хочет говорить вслух о том, что считает Люсю лучшей подругой, например. А главное, потому что она вообще старается как можно меньше говорить. Так не просто лучше и проще, так безопаснее...

Они с Люсей работают в одном небольшом медицинском учреждении. «Опти+» – так оно называется. Люся – медсестра, ну а Настя – администратор. Да, должность её звучит довольно весомо, но на самом деле это просто название. Обязанности её больше напоминают функционал секретаря, кем по факту Настя и является. Но она не против. Работает она здесь третий год и уже привыкла. Хотя поначалу было, конечно, трудно. Её смущали бойкие девушки – медсёстры, обилие белых халатов, какая-то нарочитая, чуть ли не показная деловитость у всех. По сравнению с ними, Настя сама себе казалась настолько серой, недалёкой мышкой, что первые недели, только и думала, как бы половчее оттуда сбежать. Останавливал только страх перед тем, как посмотрит на это мама. Особенно учитывая тот факт, что она её сюда и устроила.

Мама работает экономистом, и не где-нибудь, а в министерстве труда и социальной защиты. Работа у мамы Настиной может и не самая интересная, зато позволяет иметь нужные связи. Так она сама говорит. Вот благодаря этим самым связям, Настя и попала на эту работу.

– А это было не так-то легко! – сказала ей мама.

Понадобилась целая серия непростых, последовательных

действий.

Но скорее всего, даже это обстоятельство Настю бы не остановило. Работа не клеилась. Настя расстраивалась, нервничала, из-за чего всё шло ещё хуже. Врачи отчитывали её за неправильную запись, посетители грубили, а молодые сотрудницы, пробегая мимо Настинного стола, шептались и фыркали.

Насте было ужасно некомфортно. Как и в любом, собственном, месте, в котором она оказывалась впервые. К тому же, Настя никак не могла отделаться от ощущения, что все, начиная от руководителя и оканчивая уборщицей только этого от неё и ждут. И злятся, и не понимают почему она тянет, занимает место и морочит им голову. Ведь любому, при самом даже поверхностном взгляде становится абсолютно ясно, что толку от неё не будет никогда.

И она совсем уж было собралась на выход, но... ей неожиданно помогла Люся. То есть именно та, от кого помощи она ожидала меньше всего. Это бы ей даже в голову не пришло. Люся – самая деловая, яркая и обаятельная из всех этих уверенных, симпатичных девушек. Она как-то во время обеденного перерыва сама подошла к ней, и они разговорились. То есть говорила, в основном, Люся. А Настя от переизбытка чувств, – тут и признательность за участие, и восхищение красотой Люси, и переживание по поводу того, что скажет мама, когда узнает, что великовозрастная дочь её снова осталась без работы, – на членораздельную речь едва ли была

способна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.